

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии

Важнейшим фактором политогенеза у древнетюркских племенных сообществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредованного воздействия социально более дифференцированной и уже урбанизированной древнекитайской цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во II–I тыс. до н.э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело к появлению во второй половине I тыс. до н.э. в северной лесостепи и в горностепной зоне, близкой или прилегающей к долинам названных рек, ранней степной государственности, весьма отличной от китайской, однако обладавшей почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры.

Первоначально, в V–IV вв. до н.э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен определялась военным потенциалом юэчжийского племенного союза, чье верховенство было неоспоримым на пространстве от Восточного При Тяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III–II вв. до н.э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над Степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам — племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином *вождество*, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином *раннее государство*, а применительно к обозначенным месту и времени — термином *архаичная империя*, в свою очередь состоящая из раннегосударственных образований и вождеств, объединенных силой или угрозой силы.

Естественно, мы можем проследить этот процесс только в том виде, в каком он представлен летописцами той эпохи, историографами, чьи ментальные

конструкции и подходы к отражению окружающего мира определялись иными, чем у нас, требованиями и параметрами.

Ранние рассказы о северных соседях Китая сохранил в своих «Исторических записках» (Ши цзи) создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (135–87 гг. до н.э.). Эти сюжеты изложены им отрывочно, несистематично, предельно кратко и ничем не напоминают, к примеру, обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевников, населявших Центральную Азию в VII–VI вв. до н.э., Сыма Цянь именует *жунами* и *ди*. Позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *горные жуны* и *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции с воюющими друг с другом государствами и получая за это вознаграждение.

Китайские источники отмечают их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Хотя у жунов и дунху были посеы проса, однако главным их занятием было скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению жен; одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом»¹.

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, еще не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного авторитета. Китайский наблюдатель VII в. до н.э. отмечает, что у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т.е. выборным старейшинам и вождям. — С.К.), руководствуясь искренностью и преданностью»². Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни.

Итак, в VII–V вв. до н.э. для социально-политического устройства кочевников степей и гор севернее Хуанхэ было характерно *вождество*.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403–221 гг. до н.э.). Вместо прежних жунов на севере появляются сильные объединения кочевых племен *юэчжей* и *сюнну*.

Юэчжи, могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников, известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие по периметру северокитайских царств в IV–

¹ Бичурин I, с. 142–143.

² Таскин 1968, с. 123.

II вв. до н.э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарию и Восточный Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн. Они первыми создали в центральноазиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель, располагавший войском до 100 тыс. всадников. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена юэчжи были могущественны и с презрением относились к сюнну»³. Более того, сюнну (гунны) находились в политической зависимости от юэчжей и посылали ко двору их правителя заложниками сыновей гуннского вождя.

В последние десятилетия III в. до н.э. союз гуннских племен, возглавлявшийся военным вождем-*шаньюем*, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением у гуннов раннего государства. А в первой четверти II в. до н.э. гунны одержали окончательную победу над юэчжами и в ходе последующих войн унаследовали их империю⁴.

Какое же общественное устройство было присуще гуннскому союзу племен?

Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными узами. Глава государства, *шаньюй*, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском общественном устройстве немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена. При этом одни из них были адаптированы в гуннскую родоплеменную систему, другие не были включены в ее состав, и именно эти последние подвергались особенно безжалостной эксплуатации.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из военной демократии жунских племен V–IV вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т.е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т.е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Впрочем, по мнению Т. Барфилда, племенная аристократия по-прежнему сохраняла свое значение, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны и возникают они у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к

³ Цит. по переводу: Крюков 1988, с. 237.

⁴ Кляшторный, Савинов 2005, с. 21–26.

уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков⁵. Напротив, по мнению Е.И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами⁶.

Власть главы государства — шаньюя считалась освященной божественным авторитетом. Его называли «Сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Государь обладал следующими правами и функциями: а) правом распоряжаться всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия по защите и соблюдению культа исходили от шаньюя. Верховного владетеля окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т.е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников», или темники. Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенные между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частью империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялась власть и военная сила темника; число в 10 тыс. воинов, находившихся под его командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел войско численностью от нескольких до 10 тыс. войска.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячники, сотников и десятников, наделял их землей с кочующим населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права выбора —

⁵ Barfield 1992, с. 32–45.

⁶ Кычанов 1997, с. 3, 6–37.

власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники (как правило, выходцы из четырех аристократических родов) съезжались в ставку шаньюя для принесения жертв предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам, для обсуждения государственных дел; еще один раз, осенью, они собирались для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота. Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников: все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий слой гуннской империи составляла родоплеменная знать; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составлял контроль над пастбищными землями, проявлявшийся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права контроля целиком зависела от места того или иного знатного лица в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы предопределить более трех веков существования гуннской империи и еще несколько веков жизни мелких гуннских государств.

Насколько изменились структурные особенности степной империи на новом витке евразийской истории, в первой евразийской державе раннего средневековья — Тюркском каганате? На этот вопрос дают ответ рунические памятники тюрков, прежде всего орхонские и енисейские памятники.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюрков. Таким социальным идеалом выступает в надписях «вечный эль народа тюрков», т.е. созданная тюрками империя. Гарантом благополучия «вечного эля» был избранный Небом *каган*, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану *бегов* и «всего народа».

Имя кагана выступает как эпоним («в эле Бильге-кагана») и синоним («земля Капаган-кагана») названия государства. Ради Тюркского эля каган должен приобретать (т.е. предпринимать завоевания) «до полного изнеможения», ради народа тюрков он должен «не спать ночей, не сидеть без дела

днем». Война и мир, битва и союз — все решается по воле кагана для благоденствия Тюркского эля. Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. В частности, каган, во-первых, поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет для них территорию; во-вторых, расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в-третьих, собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Отюкен», т.е. на коренной территории народа тюрков; в-четвертых, передает на определенных условиях часть земель в своей собственной стране группировкам иммигрантов (например, согдийцам или китайцам). Главным преступлением против кагана и «вечного эля» была провозглашена откочевка на другие земли, т.е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собрание» и «устройство» народа на подвластной ему территории, т.е. создание политической организации, системы управления⁷.

Подводя общий итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать следующее:

1) сообщества кочевых племен Центральной Азии VIII–V вв. до н.э., по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников, не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных и военно-демократических институтов;

2) коренные изменения в их среде произошли в IV–III вв. до н.э., когда сложилась зафиксированная в источниках новая надплеменная политическая структура — раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией;

3) имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы нашли свое отражение и в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии источников;

4) своего классического воплощения новая социально-политическая структура достигла в VI–VIII вв., когда в рунических текстах орхонских тюрков и енисейских кыргызов появились собственные термины, обозначающие как государственную политическую организацию (*эль*), так и сохраняющуюся этноплеменную общность (*бодун*).

Литература

Бичурин I — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л.: Наука, 1950.

Кляшторный 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Изд. СПбГУ, 2003.

⁷ Кляшторный 2003, с. 460–489.

- Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005.
- Крюков 1988 — *Крюков М.В.* Восточный Туркестан в III в. до н.э. — VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М.: Восточная литература, 1988.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997.
- Таскин — *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Восточная литература, 1968.
- Barfield 1992 — *Barfield T.J.* The Perilous Frontier. Nomadic empires and China. Cambridge (Mass.): Blackwell Publishers, 1992.